Materiallar to'plami · Conference Proceedings
"ZAMONAVIY TADQIQOTLAR VA BARQAROR RIVOJLANISH" respublika ilmiy-amaliy konferensiyasi
04 August 2026
UDK 82
FILOLOGIYA

ОСНОВЫ ДЕМИУРГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.О. ПЕЛЕВИНА

Тимур Рустамович Аюпов*
Независимый исследователь ФерГУ
✉ timurka2005@bk.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается феномен демиургии в творчестве Виктора Олеговича Пелевина, как ключевой принцип организации художественной реальности. Анализируются философские, мифологические и постмодернистские основания демиургического мышления писателя, а также его связь с проблемами симуляции, власти, субъективности и языка. Особое внимание уделяется образу автора-демиурга, персонажей-демиургов и читателя как соучастника конструирования смысла.

Ключевые слова

А. Шопенгауэр, В. Пелевин, демиургия, литературоведение, художественная реальность, роман «Т», постмодернизм, классификация, философия, русская литература.

DOI: 10.5281/zenodo.21743481

Введение

Творчество Виктора Олеговича Пелевина занимает особое место в современной русской литературе, поскольку соединяет философскую проблематику, элементы массовой культуры, буддийскую метафизику и постмодернистскую поэтику. Одним из сквозных концептов его прозы является демиургия - процесс создания, моделирования и деконструкции реальности. В. Пелевин последовательно ставит под сомнение онтологический статус мира, предлагая рассматривать его как продукт сознания, языка, идеологии или медийных технологий. Цель данной статьи - выявить и систематизировать основные проявления теории демиургии в художественном мире В. Пелевина, а также показать, каким образом демиургический принцип определяет структуру повествования и философский подтекст его произведений, в частности на примере романа «Т».

Понятие демиурга восходит к античной философии, прежде всего к платоновскому «Тимею», где демиург выступает как разумный создатель космоса. В гностической традиции демиург, напротив, часто наделяется негативными чертами, поскольку он создает иллюзорный, несовершенный мир. В. Пелевин активно использует именно гностическую и постгностическую интерпретацию демиургии. В результате демиург у В. Пелевина - это не творец в классическом смысле, а производитель симуляций, управляющий знаками и смыслами. [2. с. 145]

В пелевинской поэтике авторская фигура принципиально децентрирована. Писатель выступает как демиург второго порядка, создающий миры, которые сразу же разоблачаются как условные и искусственные. Автор не претендует на роль абсолютного творца, а, напротив, демонстрирует механизмы создания иллюзий. Таким образом, автор у Пелевина - это демиург, который сам отказывается от статуса высшей инстанции смысла.

Во многих произведениях В. Пелевина ключевыми действующими лицами становятся персонажи, прямо или косвенно выполняющие функции демиургов. Это могут быть идеологи, рекламщики, медиаменеджеры, мистики или мифологические фигуры. Так, в романе «Generation «П»» демиургами нового типа выступают создатели рекламных образов, формирующие коллективное

сознание. В «Чапаеве и Пустоте» демиургическая функция переносится в сферу сознания героя, где реальность оказывается порождением внутреннего опыта. В более поздних текстах Пелевина демиургия приобретает цифровое измерение, связываясь с виртуальностью и алгоритмами. Персонажи-демиурги, как правило, не осознают окончательно своей роли или же обнаруживают трагическую ограниченность собственной власти.

Литературный обзор

Carl Sean O'Brien - The Demiurge in Ancient Thought: Secondary Gods and Divine Mediators. [6.] - фундаментальная монография, прослеживающая развитие концепции демиурга от Платона до неоплатоников, гностицизма и христианской мысли. Платон - Тимей (Plato, Timaeus) — классический первоисточник о демиурге как космологической фигуре, на который ориентируется вся последующая теория демиургии в культуре и философии.

Л. Л. Волкова – «Основные мифологические аспекты понятия «демиург» в диалоге Платона «Тимей»». [2.] - научная статья, раскрывающая мифологические аспекты демиурга у Платона.

И. В. Дмитревская – «Принцип системности и мифологическое время в диалоге Платона «Тимей»» [4.] - исследование роли поэта как демиурга в платоновской философии и литературе.

Ж. Ж. Бодрийяр – «Симулякры и симуляция». [1.] - Не о демиурге напрямую, но крайне полезна для понимания концепций симуляции и конструируемой реальности, что важно в соотнесении с демиургией в литературе (как теория моделей мира). (источник смежного характера; фактически классика теории симулякров)

Методы исследования

Особую роль в пелевинской демиургии играет язык. Слова, слоганы, нарративы и медийные конструкции не отражают реальность, а создают её. Язык становится основным инструментом демиурга, подменяя собой онтологическую основу мира. Медиа-пространство в прозе В. Пелевина выполняет функцию современной мифологии. Реклама, телевидение и цифровые технологии формируют симулятивную реальность, в которой субъект утрачивает способность к аутентичному опыту. Важным элементом теории демиургии у Пелевина является активная роль читателя. Читатель вынужден постоянно пересобирать смысл текста, осознавая его условность и многослойность. Таким образом, акт чтения превращается в демиургический процесс, в ходе которого реальность произведения возникает заново. Пелевинская проза не предлагает готовых истин, а вовлекает читателя в игру интерпретаций, разрушая привычные ожидания и онтологические опоры.

Методологическая основа исследования определяется междисциплинарным характером творчества В. О. Пелевина и спецификой рассматриваемой проблемы демиургии как принципа художественного конструирования реальности. В работе используется совокупность общенаучных, филологических и философско-литературоведческих методов анализа.

1. Историко-литературный метод

Историко-литературный метод применяется для рассмотрения творчества В. О. Пелевина в контексте развития современной русской литературы конца XX - начала XXI века. Данный метод позволяет выявить место писателя в литературном процессе, определить связь его поэтики с традициями русского постмодернизма, а также проследить трансформацию художественных моделей реальности в российской культуре.

2. Структурно-поэтикальный анализ

Структурно-поэтикальный метод используется для исследования художественной организации текстов Пелевина: композиции, системы персонажей, нарративных уровней, образной структуры и языковых средств. В рамках данного подхода демиургия рассматривается как системообразующий элемент поэтики, определяющий принципы построения художественного мира.

3. Герменевтический метод

Герменевтический анализ применяется для интерпретации философских и метафизических смыслов произведений Пелевина. Особое внимание уделяется многослойности текста, полисемии

образов и интерпретационной активности читателя, что позволяет рассматривать акт чтения как часть демиургического процесса.

4. Интертекстуальный анализ

Интертекстуальный метод используется для выявления философских, мифологических и культурных источников пелевинской демиургии. Анализируются отсылки к платоновской традиции, гностицизму, буддизму, постструктуралистской философии, а также к массовой культуре и медийному дискурсу.

Результаты и их анализ

Исследование проведено на основе фрагментов из романа В. Пелевина «Т».

«Доброму вору все в пору». [7. с. 21] Граф Т., удалец в расцвете сил (ну, какие приключения выжмешь из засевшего в усадьбе яснополянского старца?), - мало что лицо симпатичное, кому читатель быстро привыкает сочувствовать; он ещё наделен и некоторыми чертами умственного мира реального Л. Н. Толстого, какие нужны Пелевину для его центральных соображений. Мысль об освобождении собственного «я» и об освобождении от собственного «я» - из толстовского круга раздумий и «круга чтения»; никакая другая «чужая могила» здесь для освоения так не подошла бы.

«Люди – реки», - писал реальный Л.Н. Толстой [7. с. 48], заменяя статичную концепцию характера импульсивным потоком сменяющихся настроений. Пелевин создает одну за другой фантазийные модели такого взгляда на индивидуальность. Сначала это «урок многобожия», который преподает графу «Т» некая княгиня Тараканова: душой человека попеременно владеют разные языческие божества, скажем, то Марс, то Венера, - он существо, состоящее из смены своих страстей, проходной двор, подворотня. Или, уже со ссылкой на авторитет *Каббалы*: «*Душа – это сценическая площадка*, на которой действуют двадцать два могущества. <…> Каждый человек в любую секунду создается временным балансом могуществ». Но герой, не смиряясь с этими уверениями, озабочен поисками своего «*я*» как неизменной точки текучего существования. Собственно, эти поиски тождественны его стремлению к цели мистического путешествия – *Оптиной Пустыни*, места, значение которого ему пока неведомо. [7. с. 11]

Дело радикально проясняется – и осложняется, - когда «Т» узнает, что существует в виде фикции, личности фиктивной, поскольку является литературным персонажем, всецело зависимым от своего автора (авторов). Здесь, замечу, к сюжету, умело крепится конспективная история российских «нулевых», интегрально обозначенная как драчка между «силовыми и либеральными чекистами» и отразившаяся в череде затруднений одного малого издательского предприятия. Поначалу - исполнение модного клерикального заказа на альтернативную биографию великого Льва (примирение его с матерью-Церковью, попутно ещё один *пастиш* на популярную в нашей прозе тему исторических альтернатив: что, если бы победили декабристы, Пушкин убил бы Дантеса, и т.п.); но тут - откуда ни возьмись, кризис, потеря прежнего заказчика; неудавшаяся попытка сбыть продукцию на Запад, переделав её в компьютерную *стрелялку* в центре со знакомым там Достоевским; под конец же, когда в стране всё вроде бы возвращается на круги своя, приникание к прежней кормушке. Раз нынче «от писателя требуется преобразовать жизненные впечатления в текст, приносящий максимальную прибыль», то и его герою остается покорно следовать изменчивой тактике её извлечения; тактику же эту вдувают в уши «*криэйторам*» демоны рынка – маркетологи («*мракетологи*» и «*маркитанты*», как переиначивает «Т» залетевшее к нему из XXI века роковое словцо). [7. с. 310]

Выводы исследования

Для В. Пелевина - это чрезвычайно болезненный вопрос, поскольку он издавна находится в контрах с христианством и, шире, с теизмом. «Автор» и «герой» - концепты более фундаментальные, чем-то, что можно прочитать о них у Ролана Барта, Жака Дерриды (коим, по мнению критики, и напитался Пелевин). Тем же, кто жалуется на вопиющую банальность, допущенную в пелевинском романе, – очную ставку героя со своим автором, - советую обратиться к Книге Иова, где эта «банальность» колет глаза.

В романе «Т» есть радикальный момент, когда писатель, насмеявшись, без ощутимого для своего дела результата, над Богом монотеизма – абстрактно - «бестелесным» и потому неуничтожимым «идолом» сознания, пытается добиться для своего героя автономии не религиозным, а философско-спекулятивным путем. Обанкротившийся Ариэль вынужден на время оставить свою литературную поденщину, и брошенный им персонаж – граф «Т» - оказывается в безвидной пустоте, подобно субъекту вышеупомянутого эксперимента с Гамлетом. Что делать? «Надо постоянно что-то думать, а то исчезну совсем, растворюсь как сахар». Так совершается проверка картезианского тезиса: *Cogito ergo sum* - «думаю, значит, существую», - тут же припомненного начитанным графом. Проверка вроде бы приводит к успеху: граф думающим воображением воссоздает исчезнувший мир – сначала преисподнюю, а потом, переправившись через Стикс, - славный город Петербург. Но не тут-то было. Вскоре выясняется, что спасение личности «Т» от всепоглощающей бездны – опять-таки дело рук Ариэля, который в связи с новыми коммерческими обстоятельствами вернулся к работе над текстом. Картезий посрамлен. Убежать от демиурга через Декартову самоочевидность не удалось.

Анализ эпизода из романа «Т» позволяет сделать вывод о том, что в художественной системе В. О. Пелевина демиургическая власть автора принципиально непреодолима. Ни религиозная, ни философская модель - ни Бог монотеизма, ни картезианский субъект - не обеспечивают герою подлинной автономии. Попытка бегства от демиурга через самоочевидность сознания терпит неудачу, что свидетельствует о глубоком скепсисе Пелевина в отношении любых метафизических оснований субъективности. [5. с. 20]

Таким образом, роман «Т» фиксирует предельную форму демиургического конфликта: герой осознаёт свою зависимость от автора, но не способен её преодолеть. Демиургия у Пелевина предстает не как акт творческого освобождения, а как замкнутая система власти, в которой субъект обречён на существование в пределах навязанной ему художественной и онтологической конструкции. Это делает проблему автора и героя центральной не только для поэтики Пелевина, но и для его философского осмысления природы реальности и сознания. В контексте современной русской литературы теория демиургии позволяет описать специфические художественные стратегии, направленные на разоблачение идеологических, мифологических и медийных конструкций реальности. Демиургия становится формой критического мышления, выявляющей искусственность социальных и культурных «миров». [2. с. 1]

Особенно продуктивной данная теория оказывается при анализе творчества В. О. Пелевина, где демиургия выступает системообразующим принципом поэтики, определяющим структуру художественного мира, характер персонажей и роль читателя.

Заключение

Теория демиургии в творчестве В. О. Пелевина представляет собой сложную философско-художественную систему, в которой мир мыслится как результат конструирования сознанием, языком и культурными кодами. Демиург у Пелевина - это не всемогущий творец, а фигура, разоблачающая собственную ограниченность и иллюзорность создаваемой реальности.

Анализ демиургического принципа позволяет глубже понять специфику пелевинской поэтики и её место в контексте современной литературы, где проблема реальности становится центральным объектом художественного осмысления. Немудрено. Виктор Пелевин – НЛО нашей современной литературы. Объект как бы очевиден, но загадочен. [5. с. 21]

Список используемой литературы:

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. — М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. — 240 с.
2. Волкова. Л.Л. «Основные мифологические аспекты Концепта «демиург» в диалоге Платона «Тимей», RUDN Journal of Philosophy, 2015. – p. 172.
3. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч ред. А. Олейникова. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. — 808 с.
4. Дмитревская И. В. Принцип системности и мифологическое время в диалоге Платона «Тимей»

Ноосферные исследования. 2013. Выпуск 2 (4). С. 39 - 46.

5. Макеева К. Творчество Виктора Пелевина [Электронный ресурс] / К. Макеева. – Режим доступа: http://pelevin.nov.ru/stati/o-mak/1.html

6. O'Meara D. J. "The Poet as Demiurge in Plato." In Political Poetry Across the Centuries, Brill, 2016. – p. 142.

7. Виктор Пелевин. Роман "Т".: Издательство. Эксмо. : 2009 г. С. - 384.